

Глава 1. Спасение

— Старина Цинь, ну скажи, долго он ещё так пролежит? Ведь неделю уже не приходит в себя!
— Чунься, измученная и осунувшаяся, то и дело вытирала покрасневшие глаза краем платка.

Цинь Чжиган лишь молча поглаживал жену по плечу, раз за разом повторяя как заклинание:

— Всё будет хорошо. Врачи ведь сказали — опасности нет.

То ли её утешал, то ли самого себя.

Шэнь Минлян по обыкновению принёс обед, приготовленный домашней кухаркой. Остановившись у порога, он почувствовал, как в груди неприятно кольнуло. Рука привычно потянулась к карману брюк, но, вспомнив о запрете на курение в больнице, Минлян лишь тяжело вздохнул и толкнул дверь:

— Дядя, тётя, я еду принёс. Давайте пообедаем.

Мать Цинь продолжала беззвучно плакать, отец лишь глухо отозвался на приветствие. Атмосфера в палате была настолько тяжёлой, что, казалось, её можно резать ножом. Минлян попытался выдавить из себя подобие улыбки, доставая из термоса контейнеры и расставляя их на прикроватном столике.

Видя, что супруги даже не шелохнулись, Шэнь Минлян растерял всю свою чиновничью изворотливость. Он лишь неловко кивнул и вышел из палаты. Оно и понятно: кто захочет любезничать с тем, из-за кого их ребёнок угодил на больничную койку? Минлян горько усмехнулся про себя и зашагал прочь по коридору.

Он и не подозревал, что стоило ему скрыться за поворотом, как Цинь Лэ открыл глаза.

«Ничего себе, до обеда провалялся!»

Цинь Лэ едва открыл глаза, но тут же прищурился от яркого солнечного света.

— Лян-лян, мне худо... — едва слышно простонал он.

Услышав голос сына, родители тут же бросились к кровати. Видя, что Цинь Лэ с трудом, но всё же открывает глаза, отец — крепкий, суровый мужчина — не сдержался и заплакал.

— Очнулся... Слава богу, очнулся, — шептал он, пока жена не подтолкнула его в плечо.

— Чего застыл? Врача зови! Быстро!

— Да, точно! Врача! Сын пришёл в себя! — крикнул Цинь Чжиган, выбегая в коридор.

Чунься, оставшись в палате, не переставала плакать. Ей страшно хотелось как следует всыпать сыну, но вместо этого она лишь с досадой хлопнула ладонью по краю кровати:

— Ты же меня до инфаркта едва не довёл!

Цинь Лэ вжал голову в плечи.

«Лян-лян, ну зачем ты маму позвал? Теперь мне точно конец!»

Заметив этот виноватый взгляд, Чунься гневно посмотрела на него и пригрозила пальцем:

— Не надейся, что всё так просто кончится. Вот поправишься — всё мне внятно объяснишь!

— Ну чего ты, мам... Я же просто человека спас, делов-то. Нас ещё в школе учили... — голос Цинь Лэ становился всё тише под взглядом матери, которая начала стремительно багроветь от гнева. В итоге он решил, что благоразумнее будет притвориться мёртвым, и закрыл глаза.

— Врач здесь! Чунься, посторонись, пусть посмотрит!

Доктор задал пару вопросов, потом долго шепотом совещался с коллегой, заставляя родителей изнывать от неизвестности.

— Доктор, он ведь головой ударился... Не будет ли каких последствий? — не выдержала мать.

Врач мягко улыбнулся и принялся объяснять. Сыпал он такими терминами, что у простых деревенских жителей голова пошла кругом, но суть они уловили: парень восстанавливается на удивление быстро, через неделю можно будет выписываться, и никаких осложнений не предвидится.

Когда врачи ушли, Цинь Чжиган достал свой старенький, выдавший виды мобильник, чтобы обзвонить родню, но Цинь Лэ жалобно посмотрел на отца:

— Пап... позвони Лян-ляну, а?

Отец хлопнул себя по лбу. Точно, надо ведь и Минляна обрадовать. Мать лишь недовольно фыркнула, но промолчала — муж знал, что на самом деле её гнев уже сменился облегчением.

Первое время Цинь Лэ нельзя было много есть. Мать осторожно смачивала его губы влажной ваткой, а потом в одиночку принялась за еду, которую принёс Шэнь Минлянь. Теперь, когда сын пришёл в себя, у неё наконец-то прорезался аппетит. Цинь Лэ с нескрываемой завистью наблюдал, как мама уплетает деликатесы, совершенно не заботясь о том, что её ребёнок умирает от голода.

— Минлянь сказал, что скоро приедет, — сообщил отец. — Я попросил его привезти тебе немного белого риса.

Цинь Лэ с обожанием посмотрел на отца. «Вот он, единственный родной человек!»

Шэнь Минлянь, получив известие, тут же отпросился у начальства. По дороге он не забыл заскочить в любимое кафе Цинь Лэ и упаковал порцию свежей рисовой каши. Ворвавшись в палату, он коротко поприветствовал родителей и поспешил к постели больного.

Цинь Лэ подмигнул ему и одними губами прошептал: «Маленький братик, я в порядке». Минлянь мгновенно прослезился. Он осторожно взял юношу за руку:

— Слава богу... Всё обошлось.

Он знал, что этот молодой студент, его бывший младшекурсник, питает к нему не совсем обычные чувства. Но Минлянь и представить не мог, что тот рискнёт жизнью ради него. В то мгновение, когда Цинь Лэ рухнул на асфальт, истекая кровью вместо него самого, Минлянь понял: он недооценивал ни преданность этого мальчишки, ни глубину собственной привязанности.

Однако как старший сын семьи Шэнь, пока младшие братья ещё не встали на ноги, он не мог позволить себе никаких вольностей. Даже если его истинная природа никогда не лежала к женщинам, он не видел возможности ответить на чувства Цинь Лэ. Но глядя, как тот беззаботно улыбается, Минлянь принял решение. Пора было внести ясность.

Мать Цинь, внимательно следившая за каждым движением сына, заметила эти их переглядывания. Она демонстративно кашлянула, и Цинь Лэ тут же, словно ошпаренный, отёрнул руку.

Минлянь тоже понимал — их отношения зависли в опасной зоне: уже не просто дружба, но ещё не любовь. Неловко распрощавшись с родителями, он поспешил уйти.

Цинь Лэ заискивающе улынулся родителям. Отец вздохнул и вышел покурить, а мать, придвинув стул поближе к кровати, сурово произнесла:

— А теперь выкладывай. Что в нём такого особенного, что ты за него жизнью рискнул? О нас ты подумал? Мы с отцом уже не молоды, ты представляешь, каково это — хоронить

собственного ребёнка?

Правда о предпочтениях сына открылась в семье Цинь несколько лет назад, когда Цинь Лэ перед отъездом в университет решил «выйти из шкафа». Скандал был знатный: его били, проклинали, даже пытались запереть дома, лишь бы не пустить на учёбу. Но Цинь Лэ, в котором разыгрался юношеский бунт, забрал свои накопленные за годы карманные деньги и сбежал. Отец тогда в ярости едва дом не разнёс, крича, что знать его больше не хочет.

Но Цинь Лэ оказался парнем с характером. Все четыре года учёбы он не просил у семьи ни копейки, зато исправно слал домой посылки. Соседи лишь завидовали, какой у Цинь Чжигана успешный сын, и старую историю в Крепости семьи Цинь старались не поминать — со временем это превратилось в «секрет Полишинеля», о котором все знали, но предпочитали помалкивать.

— Ну... он красивый. Семья хорошая, характер... — Цинь Лэ вжал голову в плечи.

— Значит, со всех сторон хорош? Настолько, что и жизни не жалко? — хмыкнула мать. Цинь Лэ понял, что сейчас лучше молчать, и притворился, что спит, а на самом деле все его мысли были только о Шэнь Минляне.

В последующие дни Минлян заходил часто. Он ухаживал за Цинь Лэ, кормил его, а когда установилась погожая погода, раздобыл на посту медсестёр инвалидную коляску и возил его гулять. Цинь Лэ в эти моменты светился от счастья, заставляя родителей лишь обречённо отворачиваться. «Неужели мой сын и правда такой дурачок?» — гадала мать.

В день выписки у входа в больницу выстроилась целая вереница чёрных седанов — семья Шэнь прибыла в полном составе. Цинь Чжиган и Чунься были ошарашены таким пафосом. На самом деле старейшине Шэню просто не терпелось увидеть того «лиса», что так вскружила голову его старшему внуку. Цинь Лэ, одетый в простую белую футболку и джинсы, вежливо и скромно поприветствовал старших.

Старейшина Шэнь долго и пристально разглядывал юношу.

— Значит, это и есть тот самый мальчик, которого ты выбрал? — спросил он внука.

Шэнь Минлян твёрдо кивнул.

— И чем же он так хорош, что ты готов бросить семью и уйти с ним?

Цинь Лэ удивлённо вскинул голову, но промолчал, внимательно слушая их разговор.

— Мой второй брат уже достаточно заматерел на низах, — спокойно отвечал Минлян деду. — Он сможет вести дела не хуже меня. Я передам ему полномочия. Влияние семьи Шэнь в Городе

Б и так достигло предела, расширяться дальше опасно. Я хочу уехать в провинцию. Мой перевод уравнивает ситуацию и успокоит тех, кто наверху. Так у семьи Шэнь будет больше пространства для манёвра.

Старейшина понимал, что внук прав, но ему было больно видеть, как его лучший преемник добровольно отказывается от власти. Родители Минляна хранили тяжёлое молчание — им было жаль сына, но интересы клана стояли выше личных чувств.

Видя общую подавленность, Шэнь Минлян крепко сжал руку Цинь Лэ, переплетая пальцы.

— Он очень добр ко мне, и я счастлив. Нет ничего важнее, чем быть рядом с любимым человеком.

Цинь Лэ ответил ему сияющей улыбкой. Он никогда ещё не был так уверен в их будущем.

Когда семья Шэнь уехала, родители Цинь собрались взять сына домой. Минлян сам сел за руль, посадив всё семейство в машину.

— Я договорился с дедом, — сказал он, выезжая на трассу. — Меня переводят в ваш уезд на какую-то пустяковую должность. Буду числиться для порядка, а на деле — жить с тобой, отрабатывать долг за спасение жизни. Ну как, господин герой, принимаешь такую плату?

Цинь Лэ округлил глаза, не веря своим ушам:

— Ты... ты всё бросил? И тебе не жаль?

Шэнь Минлян лишь мягко улыбнулся, глядя на дорогу:

— Зато теперь мы сможем быть вместе, и никто нам и слова не скажет.

Отец и мать Цинь переглянулись. Они так и не нашли слов для возражения. В конце концов, после того как дети едва не разыграли финал «Ромео и Джульетты», какой смысл спорить? Неужели опять выгонять сына, чтобы он годами не смел показаться на пороге?

Цинь Лэ прислушивался к молчанию родителей. То, что они не взорвались негодованием, уже было добрым знаком. Молодые люди обменялись понимающими взглядами. Там, где спокойно на сердце, и есть родной дом.